

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
В ТРУДАХ Н. А. КАЗАКОВОЙ

«Наш общий герой», — так 28 октября 1975 г. известная советская исследовательница Наталья Александровна Казакова (1915—1984) назвала Великий Новгород, истории которого она отдала почти четверть века жизни. Ее подход к истории этого средневекового города, донные служащего эталоном наших представлений о русском городе той поры, несколько отличался от подхода других ученых. Ее интересовало не только героическое прошлое северо-западного стража Руси, но будничная жизнь и повседневные заботы городского населения. Ее внимание было приковано не только и не столько к законам города — боярской верхушке, сколько к жизни рядовых горожан. Сама же боярская верхушка предстает в ее трудах не в привычном качестве землевладельцев, вершителей политики города, а в роли торговых дельцов, на протяжении существования республики упорно, но безуспешно пытавшихся создать благоприятные условия для своих представителей в городах Ливонии. В общественной мысли Новгорода ее привлекали не ортодоксы православной доктрины, но люди, противопоставившие себя ей, — люди, стремившиеся осуществить свое право на разумный подход к действительности и заклейменные страшным для средневековья наименованием «еретиков».

Для того чтобы понять роль подобного аспекта изучения прошлого Новгорода, следует подчеркнуть, что круг «новгородских» интересов Н. А. Казаковой сформировался в 40-е—начале 50-х гг., когда еще не существовало ставших позднее классическими исследований В. Н. Бернадского, Л. В. Даниловой, В. Л. Янина, когда с историей Новгорода можно было познакомиться либо по дореволюционным работам М. Н. Бережкова, А. И. Никитского, А. С. Лаппо-Данилевского, либо по содержащим первые попытки марксистского осмысления собранного в буржуазной историографии материала работам историков школы Покровского. Интерес Н. А. Казаковой к «теневой» деятельности новгородского боярства и «закулисной» — новгородских еретиков не основывался на столь прочном фундаменте знаний о социально-экономическом и политическом строе Новгорода, который имеется теперь. Тем бóльшая заслуга Н. А. Казаковой и ее учителя по Ленинградскому университету С. Н. Валка в обращении молодой исследовательницы к внешнеторговой и внешнеторгово-политической проблематике, тем бóльшая заслуга Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье и их идейного вдохновителя в Музее истории религии и атеизма В. Д. Бонч-Бруевича в обращении к проблемам свободомыслия и «еретичества».

Препятствием на пути изучения всех этих тем был крайний недостаток источников. Большинство материалов по внешней политике, и внешнеторговой в том числе, происходит из ливонских и ганзей-

ских городов, написано на средненижнемецком языке. Овладев им под руководством И. Э. Клейненберга, Н. А. Казакова свободно преодолела лингвистический барьер, введя в научный оборот огромное количество немецких источников.

Методологический и методический подход непоколебимого историка-марксиста обеспечил точность идеологических оценок различных явлений внешней политики и внутренней истории Новгорода.

Хронологический период и географический ареал интересов Н. А. Казаковой определился уже в ее первом труде, написанном совместно с И. П. Шаскольским.¹ В этой работе, научно-популярной по своему характеру, Н. А. Казаковой дана бескомпромиссная оценка крестоносной агрессии на земли Прибалтики, характеристика борьбы против нее русского и прибалтийского народов, истории первого русского княжества на Западной Двине — Полоцкого и первого значительного антифеодального движения в Прибалтике — восстания эстонских крестьян в 1343 г.

Первые собственно научные работы Н. А. Казаковой — кандидатская диссертация, ее опубликованные тезисы и две статьи 1949 и 1952 гг. — были посвящены внешнеторговой политике Великого Новгорода в конце XIV—XV в. и Русского государства конца XV—начала XVI в. Н. А. Казакова показала, что уже в начале XV в. новгородцы пытались избавиться от мелочной опеки ганзейского и ливонского купечества — монополистов в области внешнеторговых связей «Северной Венеции». Изживая последствия иноземного ига, рикошетом отразившегося и на развитии Новгорода, его жители стремились к расширению активных внешнеторговых связей, настаивая на своем праве ездить в страны Северной и Западной Европы — праве «чистого пути за море». Одновременно новгородцы предприняли некоторое ограничение деятельности ганзейцев и ливонцев, которым отныне была запрещена гостевая торговля: посредниками между иноземцами, как русскими, так и нерусскими, впредь должны были выступать новгородцы.

После образования Русского государства на основе Великого княжества Московского и Новгородской феодальной республики началась борьба за изменение условий торговли, до того выгодных лишь контрагентам Новгорода. Русское правительство поддержало и продолжило мероприятия новгородского правительства, вновь были выставлены требования торговли исключительно по весу, а не расфасованными товарами, как было раньше (солью в мешках, медом — в бочках). Установление специальных весов в Новгороде должно было гарантировать жителей города от злоупотреблений со стороны ганзейцев и ливонцев. Одновременно предпринимались меры по ликвидации «наддач» при продаже воска и пушнины.

В последующих статьях из новгородско-ганзейско-ливонского цикла увидели свет наблюдения Н. А. Казаковой по истории внешней политики Новгорода, сделанные ею в работе 1946 г. и позднее.

---

¹ Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика: (IX—XV вв.). Л., 1945.

В целой серии статей были обнародованы наблюдения о борьбе Новгорода с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV в., в 60—90-е гг., договорах Русского государства с Ганзой 1487, 1509, 1514 гг., о переговорах 1498 г. В результате оказались изученными все основные направления внешнеторговой и внешней политики Великого Новгорода и Русского государства по отношению к их западным и северо-западным соседям на протяжении почти полутора веков. Итогом исследований в этой области явилась монография «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в.», увидевшая свет в 1975 г., почти через 30 лет после начала работы автора над этой темой.

В монографии рассматриваются отдельно русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Если в первых преобладали территориальные споры, зачастую отодвигавшие на задний план интересы мирных, торговых связей, то вторые концентрировались исключительно вокруг торговли, хотя ганзейцы и не упустили случая использовать в своих интересах трудную внешнеполитическую обстановку, в которую повергал Новгородскую республику Орден, вступивший в союз с Великим княжеством Литовским. Имея столь «неспокойного» соседа, как Ливонский орден, Новгород постоянно вынужден был заботиться о безопасности своих западных границ. Войны, в которых участвовали все звенья орденской организации в Прибалтике, оказывались существенным тормозом на пути развития нормальных экономических связей на северо-востоке Европы, покушались союзники и на государственную независимость городской республики. Согласно Салинскому договору 1398 г., как убедительно показала Н. А. Казакова, союзники делили шкуру неубитого медведя: Ордену должен был достаться Псков, Великому княжеству Литовскому — Новгород. Во исполнение этого «размежевания» Северо-Западной Руси и началась орденско-литовская агрессия первого десятилетия XV в., окончившаяся благодаря своевременному вмешательству московских войск поражением наступавших на Псков ливонских рыцарей в 1407 г.

Войны, ведшиеся против русских городов совместными усилиями Ордена и ливонских городов, совпадали с критическими моментами внутренней истории всей Северо-Восточной, Северо-Западной и Западной Руси. Так, в начале XV в. решался вопрос о судьбах западных русских земель, только что потерявших самостоятельность и вошедших в Великое княжество Литовское. Война 1443—1448 гг. хронологически совпала с феодальной войной на Руси. Следующая — 1480—1481 гг. — разразилась в момент окончательного освобождения Руси от иноземного ига и выступления удельно-княжеской оппозиции против великого князя всея Руси Ивана III. Наконец, русско-ливонская война 1501—1503 гг. осложнила борьбу Русского государства за воссоединение земель, временно находившихся в Великом княжестве Литовском.

Проанализировав и сравнив внешнюю политику Новгорода и Русского государства, Н. А. Казакова пришла к обоснованному выводу о том, что северо-западные русские города периода самостоя-

тельности лишь противостояли агрессивным устремлениям Ордена и ливонских городов. Только единому Русскому государству удалось с успехом противопоставить ливонской собственной внешнеполитическую линию. Формирование этого государства в конце XV в. коренным образом изменило ситуацию на востоке Европы. Согласно договору 1509 г., Ливонский орден принял на себя важное политическое обязательство — соблюдать нейтралитет во время русско-ливонских конфликтов. В результате на русско-ливонской границе был обеспечен длительный мир, завершивший давние споры о «земле».

В монографии 1975 г. отчетливо продемонстрированы противоречивые тенденции политики ливонских городов по отношению к их восточным соседям. Таллин (Ревель), Тарту (Юрьев, Дерпт) и Рига, жизненно заинтересованные в упрочении торговых контактов с Русью, одной рукой поддерживали агрессивные устремления Ордена, другой — подсчитывали убытки, нанесенные им войнами с Русью. Но опираясь на поддержку Ордена, ливонские города успешно противодействовали попыткам Новгорода установить равенство в торговле.

В XII—XIII вв. в силу некоторого отставания экономики Новгорода, не достигшей более позднего уровня,² северогерманским городам удалось захватить в свои руки монополию в торговле с Русью. Хотя Новгород и выдвинул широкую программу изменения условий торговли еще в начале XV в., провести ее в жизнь он не смог. Условия Нибурова мира 1392 г. были пересмотрены лишь в конце XV в. После перемирия с Ганзой 1450 г. и договора с нею же 1472 г. особенно весомыми представляются условия договора 1487 г., по которому Ганза приняла на себя ответственность за ограбления новгородцев на море, равно как и введенные Иваном III в явочном порядке меры по установлению равных условий торговли Новгорода и Пскова с ганзейскими и ливонскими городами. Важным этапом на пути установления равенства в торговле Н. А. Казакова считает закрытие Немецкого двора в Новгороде в 1494 г. Поиски причин закрытия двора, как и в более поздней статье,³ автор искала исключительно в сфере русско-ливонских отношений. Однако резкий поворот в позиции русского правительства по отношению к ганзейскому посольству и Немецкому двору в Новгороде был обусловлен начавшимися в то время оживленными торговыми и дипломатическими отношениями с Данией, главным конкурентом Ганзы на Балтике. Если поводом для закрытия двора послужила расправа над двумя русскими в небольшом ливонском городке, то причины столь крутой реакции Ивана III следует искать в развитии русско-датской торговли, которой великий князь надеялся заменить русско-

---

² Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 33.

³ Казакова Н. А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV — первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 156—159.

ливонскую. Русско-ливонские отношения также играли не последнюю роль в решении Ивана III закрыть Немецкий двор. Неудовлетворенный итогами русско-ливонских переговоров в Вильнюсе (Вильно), в ходе которых В. И. Патрикеев и С. И. Ряполовский «пропили» титул великого князя (они согласились опустить в титуле Ивана III слова «всая Руси»), нанеся тем самым большой урон международному престижу страны и ее государя, Иван III хотел продемонстрировать находившемуся в Москве литовскому послу Лютавору Хребтовичу свою непреклонность по отношению к постоянному союзнику Великого княжества Литовского — Ордену и ливонским городам, равно как и Ганзе. Открытие же Немецкого двора в 1514 г. Н. А. Казакова оценивает как результат получения от Ганзы гарантий благоприятных для Руси условий торговли и пребывания новгородских и других русских купцов в Ливонии.

Монография Н. А. Казаковой, тепло встреченная учеными разных стран, появилась уже тогда, когда ее ранние исследования 50—60-х гг. дали толчок дальнейшему изучению проблемы внешнеторговых контактов Новгорода. Так, в свете изысканий И. Э. Клейнберга ясно, что проблема условий торговли касалась широких кругов новгородцев, затрагивала интересы как поставщиков товаров на рынок (боярство, церковные иерархи), так и потребителей импортных, и самого купечества, лишенного источников тех дополнительных доходов, которыми располагало купечество ливонских и ганзейских городов.

Фундаментальное исследование Н. А. Казаковой в области русско-ливонских и русско-ганзейских отношений открывает новые возможности для сравнительно-исторического изучения темы, перспективы которого Н. А. Казакова нарисовала сама в работе 1945 г. В системе стран, участвовавших в торговле с Ганзой, Новгород занимал промежуточное положение. В городах Норвегии вся внешняя торговля находилась в руках ганзейцев, в ней практически почти не участвовало местное купечество. Иная картина в Новгороде, где оно, равно как и боярство, занимало прочные позиции. Борьба Новгорода против монополии ганзейцев и ливонцев велась не столь решительными средствами, к которым прибегали другие политические образования Северной Европы. Так, Дания активно вступала в морские войны с Ганзой. Положение Новгорода в системе внешнеэкономических контактов Европы скорее напоминало положение Англии или Венеции, где существовали ганзейские фактории.

Н. А. Казакова не ограничивалась изучением новгородско-ганзейских и новгородско-ливонских отношений. В 70-е гг. к этой проблеме она добавила исследование новгородско-датских и новгородско-нидерландских контактов. На основе скры — устава Немецкого двора в Новгороде — она отнесла появление в Новгороде фламандцев и англичан к концу XIII—началу XIV в., а нидерландцев (хотя об этом упоминаний в источниках нет) — ко второй половине XIV в. Следы пребывания последних сохранились за первую четверть XV в., зимой 1425/26 г. в Новгороде торговал один голландец,

прибывший туда через Швецию, в 1432 г. — два. При этом голландцы, торговавшие обычным товаром ганзейского импорта на Русь — солью, жили не на Немецком дворе, а у русских.⁴

В серии новгородско-датских этюдов Н. А. Казаковой особенно интересна статья о 20-х гг. XV в., когда Дания впервые попыталась подорвать ганзейскую монополию в Новгороде, потребовав права пользоваться Немецким двором и рыбной ловлей в Неве, в том числе на осетров. Попытка Эрика Померанского покончить с ганзейской монополией в Новгороде не удалась, причиной тому послужили пограничные споры: новгородское посольство, прибывшее в Копенгаген в разгар войны Дании против вендско-голлитинской коалиции, 5 февраля 1428 г. потребовало возвращения новгородских земель, потерянных по Ореховецкому договору, и закрепления этого вечным миром.⁵ В конце XV в. Ливонский орден сделал попытку привлечь Данию в антирусскую коалицию. Согласно проекту, предложенному датчанам, они должны были получить Новгород, а Орден — Псков. Подобный союз, шедший вразрез с интересами быстро развивавшейся русско-датской торговли, заключить не удалось. Датчане получили право владения двором не только в Новгороде, но и в Ивангороде, согласно третьему русско-датскому договору.⁶

Условия торговли датчан на Руси, как подчеркивала Н. А. Казакова, значительно отличались от условий торговли ганзейцев и ливонцев. Первые были подсудны местному суду, хотя их торговля на Руси не была ограничена. Ливонцы же, как того добилась русская сторона в 1514 г., подлежали «местному» суду, ганзейский представитель по этому договору должен был присутствовать при разборе вины соотечественника.

Еще одно направление новгородской торговли — через Выборг в 1501—1503 гг. — было специально рассмотрено Н. А. Казаковой. Она показала, как широк был диапазон внешнеторговых связей Новгорода, что свидетельствует о его выдающейся роли в международной торговле средневековья. Хотелось бы надеяться, что коллеги подготовят к изданию этюды Н. А. Казаковой о торговле Новгорода, изданные отдельными статьями.

В 1955 г. вышел второй — по ходу изложения, но первый по хронологии издания — труд Н. А. Казаковой, посвященный истории общественной мысли. Вдохновляемые энтузиазмом В. Д. Бонч-Бруевича Н. А. Казакова и Я. С. Лурье подготовили монографию «Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в.». Н. А. Казаковой в этой книге, снабженной переизданием основных памятников обличительной литературы, направленной против стри-

---

⁴ Казакова Н. А. Ранние русско-нидерландские торговые контакты // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 81—88.

⁵ Казакова Н. А. Дания и Новгород в 20-х годах XV в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1972. Т. 17. С. 19—28.

⁶ Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России: IX—XX вв. Л., 1970. С. 89—104.

гольников,⁷ принадлежит исследование о стригольничестве, ереси, возникшей в Новгороде и достигшей своего расцвета в Пскове — соответственно в третьей четверти XIV и в 20-е гг. XV в. Ее характер она определяет как бюргерскую ересь. Устанавливая социальные предпосылки ее возникновения, исследовательница предприняла первый для своего времени обзор городских движений в Новгороде и Пскове XIV—XV вв., дала общую характеристику северо-западных городов, подчеркивая их большую роль в экономике торговли, устанавливает связь городских движений с сельскими выступлениями. Некоторые ее положения, в том числе об участии купечества в политическом управлении Новгородом,⁸ в свете работ В. Л. Янина не выдержали испытания временем.

Н. А. Казакова отмечала, что стригольники, носители новой, включающей элементы рационализма и гуманизма идеологии, борцы против церкви как института феодального общества,⁹ с позиций рационализма («древа разумного») отрицали основные догматы православия, писания отцов церкви, критиковали всю систему церковной иерархии как прогнившую — начиная от поставления «по мзде», кончая стяжанием «имений». Она предполагала, что стригольники, которых Стефан Пермский призывал «не выситися словесами книжными», создали собственную литературу, не дошедшую до нас. Нестыжательством же стригольников («сии не грабят и имения не абирают» — вынуждены были признать даже обличители ереси) она датировала зарождение, пока эпизодическое, этого направления в русской общественной мысли.

Для стригольничества, городской ереси средневековья, по Н. А. Казаковой, характерно не только требование, но и осуществление на практике принципа дешевой церкви. Выступая против обрядов, в том числе и заупокойных молитв, новгородские стригольники проповедовали и читали молитвы «на площадях и ширинах градных», совершая исповедь земле как богу, присутствующему везде в природе. В их мировоззрении, вслед за С. Смирновым подчеркивала исследовательница, проявились стихийно-пантестические настроения, свойственные народному мировоззрению средневековья.

В определении роли светской власти Новгорода в разгроме ереси Н. А. Казакова совершенно права. Миниатюра Остермановского тома Лицевого свода подтверждает наблюдения, сделанные ею на основании письменных источников: не только вынесение приговора, но и — добавим от себя — его исполнение было в Новгороде прерогативой органов государственной власти. На миниатюре, опубли-

⁷ Немногочисленные памятники (послание константинопольского патриарха Нила, апокрифическое поучение, приписываемое в различных списках то патриарху Антонию, то Стефану Пермскому — при этом второе менее основательно, четыре послания митрополита Фотия в Псков в 20-е гг. XV в.) перенесены в приложение Я. С. Лурье.

⁸ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 68.

⁹ Там же. С. 47.

кованной в монографии Н. А. Казаковой — Я. С. Лурье между с. 39 и 40, непосредственные исполнители казни (молодые, совсем безбородые или средних лет с коротенькими бородами) одеты художником в обычные рубахи и шапки, распорядителями же выступают почтенные длиннородые мужи в плащах. На одежде одного из них ярко выделяется светлый пояс (не принадлежал ли этот распорядитель казни к тем самым «300-ам золотых поясов», которые, по словам ганзейцев, обладали всей полнотой власти в городе?).

Миниатюры Лицевого свода, опубликованные в книге, к сожалению, совсем не привлекли внимания Н. А. Казаковой. Хотя их создание отстояло от разгрома ереси почти на 200 лет, но они интересны как позднее свидетельство о ней, могущее быть изученным, как и поздние письменные источники. Так, весьма примечательно изображение казнимых еретиков. Летопись сообщает о казни трех человек — дьякона Никиты, Карпа, именуемого то дьяконом, то «простцом», т. е. мирянином, и еще какого-то человека. Миниатюрист же расширяет их число до семи: пять уже находятся в воде, двух сбрасывают с моста. Из этих семерых два совсем еще молодых, остальные — почтенные люди с длинными бородами, признаком возраста и положения. Один из них одет в священнические одежды (дьякон Никита?), остальные казнимые — миряне.

Некоторый материал из миниатюр можно извлечь и о происхождении названия ереси. В работе 1955 г., отказываясь от идеи о связи названия «стригольники» с ремеслом, Н. А. Казакова возводила его к обряду посвящения в ересь, который якобы сопровождался выстриганием волос для мирян или перестриганием — для монахов.¹⁰ С выстриженными макушками в Шумиловском томе изображены еретики 1488 г. — и в сцене казни, и в сцене отправки их в Новгород.¹¹ В отличие от них стригольники Остермановского тома имеют пышную и нетронутую шевелюру. Возможно, разница объясняется различной манерой изображения разных художников, возможно, и представлениями миниатюристов о составе еретиков. Важно подчеркнуть, что для миниатюриста второй половины XVI в. название «стригольники» не связывалось с обрядом выстригания волос.

В отличие от своих предшественников, особенно дореволюционных, Н. А. Казакова полностью отрицает всякое иноземное воздействие на формирование ереси, хотя и указывает, что обличители сравнивали стригольников с саддукеями. На наш взгляд, трудно отказаться от мысли, что в городе, экономически столь тесно связанном со странами Северной и Западной Европы, а в области культуры — со странами Юго-Восточной Европы, в особенности с южными славянами, ересь сформировалась вполне независимо от тех, которые возникли в более раннее время у южных славян.

Первый в советской историографии опыт воссоздания критической и положительной части учения еретиков по обличительным посла-

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Там же. С. 112—113.

ниям церковных иерархов был впоследствии продолжен и развит другими советскими историками — А. А. Зиминим, А. И. Клибаковым и др.

Успешное решение столь трудно поддающихся изучению проблем истории Новгорода было обеспечено стратегией работы Н. А. Казаковой. Анализу данных источников у нее всегда предшествовала серьезная археографическая и источниковедческая работа. Начиная с 1949 г. Н. А. Казакова постоянно вводила в оборот все новые и новые источники по истории Новгорода. В образцовой для своего времени публикации, изданной под редакцией С. Н. Валка, — «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» ею подготовлены и переведены иноязычные грамоты. Большая часть их воспроизведена по классическому изданию «Ливонских, эстляндских и курляндских грамот», начатому Ф. Г. фон Бунге и продолженному Ф. Шварцем, Г. Гильдебрандом, Леон. Арбузовым-старшим. В основном это договоры Новгорода с его западными и северо-западными соседями: проект договора с Любеком и Готским берегом 1269 г., договор с ними же 1301 г., с Ливонским орденом 1323 г. и многие другие, а также переведенные на немецкий язык послания Новгорода. В новом издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова» ею снова подготовлен и прокомментирован комплекс иноязычных новгородских грамот.

В 60-е и 70-е гг. Н. А. Казакова последовательно и упорно продолжала знакомить русского читателя с международными договорами Русского государства — 1487, 1509, 1514 гг., касавшимися и новгородской истории. Можно лишь сожалеть, что ее переводы грамот конца XV—начала XVI в. не оказались включенными в монографию 1975 г. или изданными отдельной книгой.

Деятельность Н. А. Казаковой в области источниковедения и археографии иноязычных материалов по истории Новгорода дала стимул и другим исследователям, активно привлекающим сведения по истории Новгорода, содержащиеся в иностранных источниках. В настоящее время, помимо переиздания подготовленного Н. А. Казаковой корпуса договорных грамот Новгорода XII—XV вв., стоит задача создания аналогичного корпуса иноязычных данных по истории этого города, опубликованных ранее в ливонских, ганзейских и шведских публикациях. Путь к ее решению проложен многолетними штудиями самой Н. А. Казаковой и ее коллег — И. Э. Клейнберга, Е. А. Рыбиной.

Среди источниковедческих работ Н. А. Казаковой следует выделить ее работу по дипломатике. Хотя эта дисциплина успешно развивается, международные договоры еще не стали предметом специального внимания. Тем большее методическое значение имеет статья Н. А. Казаковой о «начальном тексте» новгородских внешне-торговых документов, адресантах или контрагентах договора. В эволюции их (на первом этапе в конце XII—начале XIV в. — это князь, посадники, тысяцкие и вече; на втором — во второй четверти XIV—начале XV в. — место князя занимает архиепископ; на третьем — в конце первой четверти—середине XV в. — появляются старые посадники и старые тысяцкие, а в торговых договорах —

купеческие старосты) автор справедливо увидела подтверждение мысли В. Л. Янина о «двоевластии» республики и князя в Новгороде XII—XIII вв., о длительном процессе становления Новгородской республики и динамичном характере ее развития. Возможно, впрочем, и некоторое уточнение этих выводов: исчезновение наместника великого князя, вероятно, произошло в результате феодальной войны в Северо-Восточной Руси, содействовавшей упрочению независимости Новгородской республики от великого московского; расширение круга новгородских участников заключения договоров — результат попыток упрочения социальной базы в ходе реформ 1416—1423 гг., усиливших коллективное начало управления Новгородом в лице Совета господ. Появление формулы «се приехаша» относительно представителей контрагентов города свидетельствует о росте международного престижа Новгорода, достижения его в этой области унаследовало и Русское государство, недаром государи всея Руси настаивали на сохранении традиции заключения договоров в пределах собственной страны.

Труды Н. А. Казаковой в высшей степени актуальны. В послевоенные годы, когда в жизни и сознании каждого советского человека были свежи раны, нанесенные войной, тема борьбы за неприкосновенность границ средневекового Новгорода звучала как ответ на раздумья о судьбах отечества. Не потеряла злободневности до сих пор история борьбы средневекового Новгорода за равенство условий торговли с зарубежными контрагентами. Победа над темными силами фашистского мракобесия заставила иными глазами взглянуть и на борьбу новгородцев за право на свободомыслие и просто на мысль.

Разумеется, история Новгорода — лишь один аспект творчества Н. А. Казаковой, однако весьма существенный: Новгороду и его славному прошлому она отдала не один десяток лет. Поэтому даже на основании работ, посвященных этому «герою», можно судить о ее манере работы. Для Н. А. Казаковой были характерны удивительная скрупулезность и дотошность (в лучшем смысле этого слова), умение, подобно палеонтологу, по фрагменту восстановить целое, строгий и последовательный рационализм, строгость и четкость мышления. С годами нарастало и мастерство, увеличивалась и творческая отдача одной из лучших представительниц «ленинградской» школы советских историков. Недаром до сих пор продолжают выходить работы, в том числе и связанные с историей Новгорода.

Основательные и добросовестные, тщательно продуманные и точно аргументированные труды Н. А. Казаковой по истории внешней и внешнеторговой политики, по истории идеологической борьбы в Новгороде получили широкое признание как в Советском Союзе, так и далеко за его пределами. Это достойная награда за ее верное служение науке и Отечеству.

Список трудов Н. А. Казаковой*

1945

Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л. 126 с. В соавторстве с И. П. Шаскольским.

1946

Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в XIV—первой половине XV в. (1392—1450): Рукопись диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.

Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в XIV—первой половине XV в. (1392—1450) // ВЛГУ. 2 с.

1947

Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV и в первой половине XV в.: (Кандидатская диссертация) // ВЛГУ. № 4. С. 147—150.

1949

Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. // ИЗ. Т. 28. С. 111—131.

Составитель // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л. 408 с. В соавторстве с В. Г. Гейманом, А. И. Копаневым и др.

1954

Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV века // ИЗ. Т. 47. С. 259—290.

1955

Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л. 544 с. В соавторстве с Я. С. Лурье.

Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XI. С. 113—117.

1956

Неизданное произведение Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XII. С. 387—426.

1957

Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XIII. С. 446—466.

1958

Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV—начале XVI в. // Ежегодник МИРА. Л. Т. II. С. 151—172.

Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI века // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XIV. С. 241—246.

Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XIV. С. 310—312.

1959

Борьба Руси с агрессивной Ливонского ордена в первой половине XV века // Учен. зап. ЛГУ. № 270. Серия истор. наук. Вып. 32. С. 3—33.

Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (текстологические данные) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XV. С. 153—158.

Изучение русской общественной мысли конца XV—начала XVI в. в советской научной литературе // ВЛГУ. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 43—54.

* Список составлен А. Л. Хорошкевич при участии В. Ф. Андреева.

1960

Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л. 362 с.
Вассиан Косой // Философская энциклопедия. М. Т. 1. С. 228—229.

1961

Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурья Тушина // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XVII. С. 169—200.

«Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. XVII. С. 358—368.

Русско-ганзейский договор 1487 г. // НИС. Новгород. Вып. 10. С. 217—226.

Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV в. // Международные связи России до XVII в. М. С. 306—333.

Выступление по докладу Г. Рааба «О некоторых нижненемецких источниках древнерусской письменности» // IV Международный конгресс славистов: Материалы дискуссии. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. Т. 1. С. 122—123.

Рец. на кн.: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России XIV—первой половины XVI в. // ВИ. № 6. С. 140—145.

ТОДРЛ. Т. XVII. Ответств. редактор.

1963

Ганзейская политика русского правительства в последней четверти XV в.: (Русско-ганзейские переговоры 1498 г.) // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. С. 150—157.

Обличение духовенства в русской литературе XVI в. // Ежегодник МИРА. Л. Т. 7. С. 93—106.

Русско-ганзейский договор 1514 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. статей (Труды ЛОИИ. Вып. 5). М.; Л. С. 557—586.

1964

«Европейской страны короли» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л. С. 420—421.

Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI века: Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л. 34 с.

1967

Русская культура: Вторая половина XIII—XV в. // Краткий очерк истории русской культуры. Л. С. 61—97. В соавторстве с М. К. Каргером.

Максим Грек как нестяжатель // История СССР. № 2. С. 82—95.

Неизданные грамоты о восстании Степана Разина // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. (Труды ЛОИИ. Вып. 9). Л. С. 294—299.

Нестяжатели // Философская энциклопедия. М. Т. IV. С. 63—64.

1968

Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. М. Т. XXVIII. С. 109—126.

Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV—начала XVI в. // ВИД. Л. I. С. 269—276.

«О судном списке» Максима Грека // АЕ за 1966 год. М. С. 25—36.

Религиозно-философские течения в России XV—XVI вв. // История философии в СССР. М. Т. 1. С. 190—216. В соавторстве с Я. С. Лурье.

Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана: (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л. Т. XXIII. С. 227—252. В соавторстве с Л. Г. Катушкиной.

Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в. // IV Всесоюзная конференция по истории, языку и литературе скандинавских стран: Тезисы докладов. Петрозаводск. Ч. 1. С. 189—192.

1969

Вопрос о причинах осуждения Максима Грека (окончание) // Византийский временник. М. Т. XXIX. С. 108—134.

О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей // Литература и общественная мысль Древней Руси. (ТОДРЛ. Т. XXIV). Л. С. 139—141.

Первое известие древнерусской письменности о путешествии Магеллана // Известия Всесоюзного географического общества. Л. Т. 101. № 3. С. 274—276. В соавторстве с Л. Г. Катушкиной.

Тайна русского посла // Комсомольская правда. 1 февраля. В соавторстве с Л. Г. Катушкиной.

1970

Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России: IX—XX вв. (Труды ЛОИИ. Вып. 11). С. 89—104.

Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л. 300 с.

Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Л. Т. XXV. С. 60—72.

Раннее известие о связях России и Шотландии // ВИ. № 7. С. 197—198.

1971

Дания и Новгород в 20-х годах XV в. // V Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М. С. 60—62.

К изучению «Сказания о граде Египте» // Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. (ТОДРЛ. Т. XXVI). Л. С. 256—258.

Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII в. // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л. С. 82—92.

Ранние русско-нидерландские торговые контакты // Исследования по социально-политической истории России (Труды ЛОИИ. Вып. 12): Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л. С. 81—88.

1972

Борьба народов нашей страны за независимость. Феодальная раздробленность. Объединение русских земель в XIV—XV вв. // Краткая история СССР. 2-е изд. Л. Ч. 1. С. 59—83. В соавторстве с И. И. Смирновым.

Дания и Новгород в 20-х годах XV в. // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 17. С. 19—28.

Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти Е. В. Тарле. Л. С. 248—266.

К изучению вкладных книг // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л. С. 260—266.

Об идейных истоках нестяжательства // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М. С. 139—148.

Русско-ливонские договоры 1509 г. // ВИД. Л. IV. С. 193—215.

1973

Максим Грек в советской историографии // ВИ. № 5. С. 149—156.

Некоторые топонимы Псковской земли XV—первой половины XVI в. // ВИД. Л. V. С. 71—81.

Россия, Дания и Ливония на рубеже XV—XVI вв. // VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Таллин. С. 71.

1974

Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 год. С. 26—28.

К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л. Т. ХХІХ. С. 345—349.

Начальный текст новгородско-немецких договоров XII—XV вв. // ВИД. Л. VI. С. 161—175.

Новый список сочинений Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л. Т. ХХІХ. С. 194—197.

1975

Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященных 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М. С. 151—158.

Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М. Вып. 1. С. 62—70.

Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л. 359 с.

Выступление в прениях по докладу В. Нинтемаа // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике: Материалы II советско-финского симпозиума по социально-экономической истории 13—14 декабря 1972 г. Л. С. 151—153.

Рецензент: Р. Г. Скрышников. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л. 223 с.

1976

Взаимоотношения России с Данией и Ливонией в конце XV—начале XVI в. // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Л.; М. Ч. 1. С. 97—99.

Ливонские и ганзейские источники о внутривнутриполитической истории России в конце XV—начале XVI в. // ВИД. Л. VII. С. 148—166.

Отражение западной легенды о Понтии Пилате в «Хождении во Флоренцию» 1437—1440 гг. // Культурное наследие Древней Руси. Л. С. 94—98. В соавторстве с Е. В. Мавлевым.

Политический строй Новгорода по новгородско-немецким договорам XII—XV вв.: Доклад на конференции в Новгороде в декабре 1974 г. Краткое изложение // История СССР. № 1. С. 231.

«Сказание о градех от Великого Новгорода и до Рима» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М. Вып. II. С. 16—21.

Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.: (Списки и редакции) // Историческое повествование Древней Руси. (ТОДРЛ. Т. ХХХ). Л. С. 73—94.

1977

Европейские страны в записках русских путешественников середины XV в. // ВИ. № 6. С. 37—48.

Заметка о Риме русского путешественника середины XV в. // Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. (ТОДРЛ. Т. ХХХІІ). Л. С. 252—255.

Борьба народов нашей страны за независимость. Феодальная раздробленность. Объединение русских земель в XIV—XV вв. // Geschichte der UdSSR. Moskau: Progress. Th. 1. S. 54—77. В соавторстве с И. И. Смирновым.

То же // History of the URSS. Moscow: Progress. P. 1. P. 53—75.

То же // Histoire de l'URSS. Moscou: Progress. P. 1. P. 47—66.

То же // Historia de la URSS. Moscu: Progress. P. 1. P. 52—75.

1978

Борьба народов нашей страны за независимость. Феодальная раздробленность // Краткая история СССР. 3-е изд. Л. Ч. 1. С. 59—84. В соавторстве с И. И. Смирновым.

Города Северо-Западной России в XIV—XVI вв. // Город в Северо-Западной Европе в новое и новейшее время (XV—середина XX в.). Таллин. С. 6—23. В соавторстве с И. П. Шаскольским.

Известия русских летописей о Западной Европе XV—начала XVI в. // ВИД. Л. IX. С. 195—222.

Когда началась полемика нестяжателей с иосифлянами // Из истории феодальной России. Л. С. 111—115.

Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // ВИД. Л. X. С. 200—206.

Рец. на кн.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976. 283 с. // ВИ. № 6. С. 142—145.

«Исхождение» Авраамия Суздальского: (Списки и редакции) // Древнерусские литературные памятники. (ТОДРЛ. Т. XXXIII). Л. С. 55—66.

Русско-датский союз 1493 г. и закрытие Ганзейского двора в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск. Ч. 1. С. 160—162.

«Татарским землям имена»: (Об источниках одноименной статьи XVI в.) // Куликовская битва и подъем национального самосознания. (ТОДРЛ. Т. XXXIV). Л. С. 253—256.

Борьба народов нашей страны за независимость. Феодальная раздробленность // NSV Liidu ajalugu. Lühiülevade i ora. Tallinn. Eesti raamat. L. 48—68. В соавторстве с И. И. Смирновым.

То же // Geschichte der UdSSR. Moskau : Progress. Bd 1. S. 52—73.

То же // Historia de la URSS. Moscu : Progress. P. 1. P. 52—74.

1980

То же // A Szovjetunio története. Budapest; Moszkwa : Kossuth könyvkiado; Progress. L. 62—86.

Дания, Россия и Ливония на рубеже XV и XVI столетий // Скандинавский сборник. Таллин. Т. XXXV. С. 107—118.

Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей. Л. 278 с.

Нестяжательство и ересь // Вопросы научного атеизма. М. Вып. 25. С. 62—79.

1981

Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // ВИД. Л. XII. С. 66—90.

Заметка о Риме / Подготовка текста, перевод и комментарий // Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в. М. С. 494—495.

«Хождение на Флорентийский собор» / Подготовка текста, перевод и комментарий // Там же. С. 468—493.

Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского // АЕ за 1980 год. М. С. 92—96.

Статейный список Константина Скобельцына (1573—1574 гг.): Комментарий к публикации Я. С. Лурье // АЕ за 1979 год. М. С. 314—315.

Рец. на кн.: А. Л. Хорошкевич. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. 293 с. // История СССР. № 1. С. 176—179.

1982

Внешняя политика Новгорода в русской и советской историографии // НИС. 1 (11). С. 146—164.

Вологодские летописи / Подготовка к печати // Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. (Полное собрание русских летописей. Т. 37). Л. 228 с.

О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV—первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М. С. 156—159.

Probleme des Gesellschaftsdenkens in Russland Ende des 15. bis zum Beginn des 16. Jahrhunderts // Historiographische Forschungen zur Geschichte Russlands. Martin Lüther-Universität. Halle; Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge. Halle (Saale). 1982. 86. S. 133—166.

Ответственный редактор: Л. Н. Семенова. Очерки истории быта и культуры России: Первая половина XVIII в. Л. 279 с.

1983

Борьба народов нашей страны за независимость. Феодалная раздробленность. Объединение русских земель в XIV—XV вв. // Краткая история СССР. Л. 4-е изд. Ч. 1. С. 459—477. В соавторстве с И. И. Смирновым.

Договор Пскова с Ливонией 1509 г. / Публикация, вступительная статья и комментарии // ВИ. LI. С. 90—98.

Из истории русской хронографии XVII в. // ВИД. Л. XIV. С. 101—106.

Известия летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви // ВИД. Л. XV. С. 92—102.

Ред. на кн.: А. А. Зимин. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль. 1980. 333 с. // ВИ. № 12. С. 130—133.

Рецензент: Е. А. Савельева. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л. 135 с.

1984

Еще раз о закрытии Ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. // НИС. 2 (12). С. 177—187.

История Новгорода в трудах И. Э. Клейнберга // Там же. С. 285—293. В соавторстве с А. Л. Хорошкевич.

1985

А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию, Испанию в 1672—1674 гг. // ТОДРЛ. Т. XXXIX. С. 348—364.

Гурий (в миру Григорий Тушин): Исследовательские материалы для словаря книжников и книжности Древней Руси // Там же. С. 30—31.

Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus» // ВИД. Л. XVII. С. 161—178.

Рецензент: К. Н. Сербина. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л. 134 с.

1987

Проблемы русской общественной мысли конца XV—первой трети XVI в. в советской историографии // ВИ. № 1. С. 104—112.

1988

Новгородско-немецкие договоры или ливонские акты? // НИС. 3 (13). С. 63—67.